

ТРИШКА

Давненько не виделись мы с тёткой Натальей. Под зимнего Николу дай, думаю, отведаю старушку, с праздником поздравлю.

Погода, как назло, взбесилась. Снег в этом году выпал всего как с неделю. До середины декабря морозов не чуяли. А тут, как засвирепело! Замело, закрутило! Но вчера с обеда поотпустило. Минус пятнадцать для русской души – самое то! Подделась поплотнее – и в дорогу.

Тётка моя который год живёт в опустевшей деревне. К дочери в город не съезжает. Не к чему, мол, теперь. Восемьдесят шесть прожила тучочки и остальные, сколь Бог отпишет, доколтыхаю.

Вышла я, на остановке – ни души. До тётки пешком минут сорок. Только шаг наладила, слышу: лошадёнка в спину дышит. Сжалился, видать, Господь, подмогу послал. Зарылась поглубже в сено, и коняга потрусилась в сторону Кривой балки, на краю которой под кряжистым ясенем притулилась тёткина хатёнка.

Мужичок оказался болтливым. За двадцать минут успел обстоятельно прояснить обстановку в Больших Хомутах: света нет (линию в последнюю метель оборвало), и воды тоже нет (то ли башню разморозило, то ли мотор сгорел).

«Бедная моя, несчастная! - забеспокоилась я о тёткиной участи, - ключ под горой за версту». Но, видать, человек наш настолько живучий и бывалый, что тётку Наталью не смогли подкосить такие мелкие неурядицы.

Распрощавшись с возницей, торопившимся за дровишками в Куманёв лесок, я постучалась в заиндевелое окошко знакомой кухоньки. Тётка будто поджидала гостей. Выскочила в сенцы, загремела щеколдой. Двери отворились, и она, всплеснув руками и заохав, кинулась ко мне. Время за пять лет ничуть её не изменило. На моё: «Тётъ Наташ! Да ты молодцом!» старушка хихикнула, а что, мол, с сухофруктом подеется?

Не успела я осмотреться, за окошком начало смеркаться. От жарких ли всполохов печки, от лампадки ли, закоптившей угол горницы, а может, от лампы-керосинки по хате расточались уют и тепло. Вспомнилось детство на хуторе, бабушкина низенькая хатёнка, допотопная липовая прялка и сушилка с мотками крашеной овечьей шерсти.

Радостная тётка хлопотала у стола, собирала вечерить. Откуда-то взялась бутылочка «Кагора». «Для сугреву. От Пасхи берегла, свяченная». Старушка шмыгнула в кладовку, вернулась со шматком морозового сала. Вынула из печи горшок с томлёными щами.

Я спохватилась, принялась выкладывать подарки. Довольная тётка с удовольствием их рассматривала и нахваливала. Очень ей по душе пришёлся шерстяной подшлок в мелкий розанчик. «Знатнай платок-то!» - не удержалась она. Что означало её наивысшую благодарность.

Чай пили с какими-то раздушистыми травами, с козьим молоком и городскими бубликами. Я помнила, что нет для тётки лучше лакомства, чем баранки или бублики с кунжутом и прихватила целую связку. «Мои любимые, с венниками!» - заметила старушка. Зёрна кунжута она принимала за семена веников и обожала ими баловаться.

- Ну, всего нынчи не переговоришь. Умаялась, небось, с дороги. Ложись-ка, вздремни. Завтри повспоминаем. Постелю я тебе разобрала, а сама – на печку. Куды мне от ей!

Не успела улежся, слышу: «Треш-треш, скхрррн-скхрррн!» Живя в городе, совсем позабыла, что в деревенских деревянных домах любят селиться сверчки.

- Поздоровкайся, это - Тришка. У меня всего-то и осталось в хозяйстве: на дворе - коза Милка да в дому – сверчок Тришка. Только я на печь – он за песни. Убаюкивает, балакает со мной, чтоб темени да вьюги не пужалась... Летом-то он на улицу сбегает, а к холодам – опять в тепло норовит. Делит со мной печку.

Я вспомнила старую песенку о том, как у дедушки за печкою жила-была компания, и улыбнулась.

- Мне, милая, от его теперя никуда. Голос Тришин из сотни других распознаю, - продолжала старушка.

- А самого-то видала?

- Как жа! Объявлялси! Ма-а-хонький такой, кузнечик кузнечиком, - тётка завозилась на печи, видать, раздумала спать, поскольку речь зашла о её любимой животинке. - Сверчок – он ведь всегда у нас в деревне в почёте был. Что за хата без его? Помочник, подсказчик семейной. Ишо бабка моя говаривала: «Коли сверчок хату покинет или из-под печки на серёдку высигнет, быть худу вскорости».

- Тётъ Наташ! В приметы, что ль, веришь?

- Как же, милая, не верить? Поверишь, коли петух жареный клюнет... Вот ведь в том годе, как пожару случись, сижу я, картохи чищу. В хате тишина. А он – прыг-скок из печурки и прямо передо мной замельтешил. А в ночь амбар занялся. Полымя на хату перекинулось. Как отстояли (ветер был жуткий), ума не приложу... Как не поверить?..

- Простое совпадение, - ввожу в сомнение старушку.

Но её голыми руками не возьмёшь. Ни за что не позволит в сверчке своём разувериться.

- Какое там совпадение! – доносится с печки. - А как такое дело понимать, растолкуй ты мне, будь добра. Пишет мой Миколай с фронту, скучаю, мол, шибко...хата всё снится... сверчок свиритит... А через неделю, следом за его письмом, похоронку получила. Не веришь – заглянь на Божничку... Там они... треугольнички-то... Только главного я тебе покаместь не сказала. Как получить то письмо злосчастное, лежу я на печи, согреться не могу, пришла с окопов (фронт подкатился по той поре аккурат под нас), лежу, значит... руки поверх одеяла... Ещё и не спала вовсе, чую: прыг сверчок прямо на ладонь... и криком кричит. Сердце оборвалось.

Смекнула сразу: дети при мне, посапывают, значить, с Миколой беда. Так и случилось. Под Сталинградом могилка-то его, ты же знаешь, - тётка вздохнула и примолкла.

А сверчок трещал и трещал. Монотонно, словно кукушка в лесу. Передохнул секундочку и опять за своё.

Показалось, что старушка уснула. Но, видать, разбередила я её своим приездом.

- Вот... ты как полагаешь, чем он, шельмец, поёт? – слышалось вдруг с печки, - не догадаешься ни за что! – и сама тут же ответила, - потирает проказник подкрылками по задним лапкам. А они у него в рубчик. Так и трякает Триша мой об них ночь напролёт. Я за ним, как за каменной стеной... Коли усну – он начеку... Ничего со мной до срока не подеется!

- Любишь ты, тётушка, своего постояльца!

- Люблю, как не любить. Только какой же он постоялец? Он – самый что ни на есть хозяин, домовик!.. Лексевна, соседка моя бывшая, отродясь скрыпу ихнего не переносила. Словила-умудрилась одного да прихлопнула. А на другой день – из самой дух вон.

- Сомневаюсь я. Сказки всё это.

- Какие тебе сказки-байки, коли душечка наша, как заснёшь, принимает его обличие... Как же изничтожить?.. Все у нас на хуторе знают, акромя тебя... А потом...знаешь, от чего у Шульженки голос такой? С утраца натошак настой из сверчков принимала. По две капли на ложку козьего молока. Только непременно от рябой однорогой козы.

- Ну! Это уж точно басни! Чепуха какая-то! – возмутилась я

- Ничуть, не чепуха!- обиделась тётка Наталья. - Ты послушай-ка завтра пластинку: поскрыпывает голосок-то у певуньи.

- А чем же ты своего артиста кормишь, не яйцами ли всмятку?

- Дык чем, чем, - ласково заворчала старушка, - знамо чем – отрубями. Их за печуркой цельный мешок. От шашала прожариваются. Домовик там и столуется-подъедается сколь надо. А летом – на вольные хлеба уходит, на зелень.

Наконец, неумолчный сверчок убаюкал тётушку, а я всё ещё бормотала пришедшие из далёкого детства стихи Барто:

То близко сверчок,
То далёко сверчок,
То вдруг застрекочет,
То снова молчок.

Тришка солировал до рассвета. И всё одним-единственным номером. Постепенно я привыкла к его стрекоту. Это однообразие не раздражало, не надоедало и не утомляло.

Вспомнилось: когда-то и в нашей хате жил свой хранитель домашнего уюта. Да и у соседей по вечерам тоже пиликали сверчки. Ночи напролёт устраивали они сольные концерты, а к утру хаты выстывали, и они смолкали, напоминая хозяйкам, что пора топить печи. А ещё жил сверчок под полком

нашей бани. Похлёстываешь, бывало, веничком берёзовым в лад сверчковой песенке «рразз-рразз». Жил-поживал сверчок в тёплой баньке и в усы свои длиннющие не дул. Холод не докучает, еды хоть отбавляй – веников в предбаннике тьма. А что ещё для счастья сверчиного нужно?

Размеренное «крри-крри» так меня убаюкало, что очнулась я, когда утро уже гляделось ясным морозным солнышком сквозь расшитые цыплятами занавески. Тётка Наталья потопала в сенцах валенками и вошла в горницу. Следом в промёрзлую дверь вкатились клубы молочного пара.

- Проснулась, голубка моя, ну, поднимайси. Милку подоила, утречать станем. Драников настряпала. Стынут.

За завтраком опять затолковали о ночном музыканте.

- Да я, поди, уж и всё про него выложила. Заинтересовалась? Ну, коли ещё чего прознать желаешь, дак поди к Лукьяну на хутор Степной. Деда этого по имени не кличут, всё Сверчок да Сверчок. Сказывают, помешался он на этих букашках.

Интересно, как может деревенский дед на сверчках тронуться? Не откладывая в долгий ящик, чтобы оборотиться до темна, откапала в чулане старые лыжи, выдернула из горожи пару орешин и покатила на Степь.

Сколько лет минуло с тех пор, как в детстве ползала по этим пригоркам на салазках и лыжах с деревенской ребятнёй!

Местность наша холмистая. С горочки – на бугорок, то стрелой вниз, то ёлочкой вверх. Мороза не чуяла, даже в жар кинуло. Взятые напрокат тёткины валенки посеребрились, воротник шубника от морозного дыхания заиндевел. Декабрьский полдень играл на снегу дробными алмазами. Встречавшиеся на пути ракички разукрасились игольчатым инеем.

Не успела притомиться, уж дымком потянуло, а там – и хутор на ладони.

Тётка Наталья в точности описала Лукьянову хату, и я, скатившись в низинку, притормозила у распахнутой калитки.

Залаял кудлатый пёс, и навстречу в телогрейке, ватных штанах и в валенках с подвёрнутым верхом и подшитыми задниками вышел сам Сверчок.

Дед этот иначе никак не мог называться. Кличка здорово ему подходила. Росточком низенький, гномистый, глазки маленькие, шныркие. Походка прискакивающая. А самое главное: длинные тонкие усики. Ну сверчок да и только.

Дед потёр руками, словно лапками, и засвиристел сквозь пару оставшихся зубьев.

- Кого это к нам принесло? Не прозябла ли с дороги? Не останешься ли переночевать? Не растопить ли пожарче печку?

Дед трещал, а я не успевала отвечать. Да ему, как видно, это было и не нужно.

Обив корявым берёзовым веником льдинки с тёткиных катанок, прошмыгнула в тепло.

Скромное убранство хаты подсказывало, что Сверчок или век прожил бобылём, или давным-давно овдовел. На длинном нескобленном столе громоздился самовар. Дед чаёвничал в одиночку и очень обрадовался неожиданной гостье. Снова раздул угольный самовар, доложил в него сухих вишнёвых веточек. Налил мне в чашку, а себе в блюдце и, указав на место поближе к печке, приготовился слушать. Сразу было видно, что это его любимое занятие.

- Говорят, дедунь, ты со сверчком дружен? - не стала ходить вокруг да около.

- Это ктой-то говорит? – насторожился дед.

Смекнула: надо поменять тактику. И, будто не слышала вопрос, решила польстить старику.

- Знаток, говорят, Лукьяныч большой и ценитель их пения.

Дед одобрительно крякнул и сверкнул хитренькими глазками.

- А пошто они тебе сдались, сверчки-то?

- Я, дедунь, о всяких увлечениях пишу. «Хобби» называются они по научному. А у тебя очень уж необычное.

- Ну... коли так, расскажу, что знаю, и ребяток моих покажу... Чего ж не показать-то?.. А ты пропиши об них. Пущай ... может, кто ишо заинтересуется.

Я достала блокнот, дед степенно допил чай, утёр усы, расправил их, как подобает Сверчку, полез в печурку. Достал и бережно поставил на стол собранный из спичек многоэтажный дворец, состоящий из комнаток коробочек. Выдвинул одну из них. Смотрю: в уголке бурый, миллиметров двадцати сверчок. Дед полюбовался и задвинул комнатку на место.

- Ну, взглянула? Их у меня двадцать пять головок. Об чём разговор будем вести?

- А что же, дедушка, жильцы этого чудо-домика молчат?

- Дак день же. Спят мои родные.

- Как же так случилось, что ты не охотой занялся, не рыбалкой, а сверчками?

- А куды деваться-то? Энтим делом, милая, весь род наш увлекался... С деда мово пошло. Как ушёл он на Японскую, так и заболел сверчками. В плену два года провёл, выучился с ими обходиться.

- А что же, сверчкам какой-то особый уход требуется?

- Ды какой там уход! Едят всё, что мы любим. Главное для сверчка – тепло. Чуть ниже + 25, а ему уж не по себе. И петь перестаёт. А песня – главная его заслуга, дело жизни, прямо скажу. Ить его можно вовсе никогда не видеть, но не знать о его присутствии невозможно. Каждый вечер трели выдаёт. И не смолкает до утра.

- И чего им в тишине за печкой не сидится? С чего петь-то?

- А пошто квачат лягушки? Пошто соловей запузывает?.. Вот... то-то и оно... И сверчки за тем же поют: самок подманивают, а самцов гонят прочь.

- Не каждый выдержит его сверчение, ведь если он заведётся, то слышен в самых потаённых уголках дома.

- Поначалу, может, и необычно, но попривыкнешь, и не станет для тебя нежней и приятней песни, чем сверчиная.

- Со вчерашней ночи стоит в ушах его стрекот.

- Не стрекот, а музыка, - поправил старик, - бывало, посадит дед на колени и растолковывает мне, несмышлёному, про сверчиные напевы. Дед мой много чего про них у японцев прознал. В Японии этой трели ихние, ох, как ценятся! Соревнования меж ими устраивают. Кто, мол, складнее выдаст. Это у нас сверчок копейки не стоит, а там животинка эта важная. Большие деньги на них делают... Мы всё щеглов да канареек в домах содержим, а японцы – сверчков.

- Да... точно! Кажется, где-то читала, и в Китае их тоже почитают. Даже на Новый год дарят, мол, счастье в дом стрекотаньем зазывают.

- Старики в Японии считают, что пение этих насекомых дарит им долголетие и покой. И поэты, и музыканты, и художники, даже тибетские ламы занимаются разведением и воспитанием сверчков. Нет на Земле места, где бы не уважали сверчков. Дед говаривал, императоры японские заказывали для своих любимцев золотые клетки. И во дворцах, и в хижинах слушают японцы ихние трели... Сверчок – вещица полезная. У нас привыкли – мамки, няньки, а япошки поставят рядом с младенцем коробочку со сверчком, и тот без умолку колыбельные распевает.

- Жаль, не знала раньше. Дети выросли. Внуки появятся – обязательно попробую так убаюкивать.

- В старину сверчка-то на Руси циркуном кликали. И говаривали о нём с уважением. Считалось: сверчок поёт – Бога хвалит... А что же это мы про чай забыли? Совсем простыл, - дед хрустнул кусочком сахара, прихлебнул с тарелочки и, показалось, на минутку задумался, о чём бы ещё рассказать. Но тут же встрепенулся и продолжил.

- Не поверишь, но для сверчков есть особые базары.

- Представляю, какой там стрекот стоит, - улыбнулась я.

- Чёрный сверчок стоит намного дороже, чем бледный, серенький, - пояснил дед Лукьян и подлил чайку, - ну, это всё в Японии, а мы сверчка привыкли слушать зимой - за печкой, летом – в лугах. Хотя и поют они летом слаженным хором, но любят одиночество, потому и драчуны-забияки отменные. Мы с Петром, братом моим, цельные бои устраиваем.

- Надо же, сверчковые бои! – так и ахнула я.

- Что, любопытно? Ну, коли заночуешь, может, и удастся увидеть оказию, - пообещал Сверчок, - только за Петром добегу.

Уехать и не посмотреть на такую диковинку я, конечно, не смогла. Захлопотала с ужином, а Сверчок отправился на другой конец хутора за младшим братом.

Оказывается, в детстве играли они в сверчиные бои, как мальчишки в футбол. Так и не смогли остановиться, увлеклись на всю жизнь. Полхутора собирается порой взглянуть на необычное зрелище.

Пётр, конечно, не отказался похвастаться своим воспитанником, и через двадцать минут деды затопали у порога. Брат Лукьяна как две капли воды на него похож: те же шустрые бусинки-глазёнки, те же потирающие друг друга ручки-лапки, и только усы отличались от Лукьяновых – куда длиннее. «Ещё один Сверчок!» – невольно подумала я.

Наскоро поужинав, освободили стол от посуды, и дед Лукьян принёс слаженный для таких случаев крошечный ринг. Посередине – сетка, чтобы бойцы до поры не набросились друг на друга.

Деды высадили из коробочек сверчков и дали им освоиться. Заприметив друг друга, соперники принялись готовиться к бою: передними лапками растёрли щеки и глаза (так же, как умывается кошка – склоняя головку то на один бок, то на другой), челюстями помассажировали лапки-ножки, ртом начистили до блеска шпаги-усики. Братья раззадоривали своих питомцев – шевелили соломинками усики и почёсывали брюшка.

- Пора! – старший Сверчок кивнул младшему, и тот убрал разделительную сетку.

Сверчки тут же бросились в атаку. Таким бойцовским качествам позавидовал бы любой боксёр. В ход шли и лапки, и крылья, и челюсти. Всеми силами драчуны старались опрокинуть соперника на спину или вообще вытурить подальше с поля боя.

Глаза у дедов горели, они кружили вокруг стола и внимательно следили за исходом боя. Но помалкивали, лишь изредка вскрикивали или громко вздыхали. Видно, уговор у них такой – не вмешиваться.

Наконец, Лукьянов ученик ухищрился завалить Петрова подопечного на бок и лапками, словно какой валик, перекатил на спину. Победитель оглушительно просверчел и отскочил в сторону.

- Надо же! Какое благородство! - подивилась я.

- Закон природы – лежачего не бьют, - пояснил Лукьян.

Деды только в азарт вошли, а бой уж закончился.

- Надо бы отыграться, - предложил Пётр.

- Ну что же, можно и ишо разок.

Пётр подкинул сверчка, тот взмахнул крылышками и приземлился на табуретку. Тогда младший Сверчок подсуетился ещё раз и, ловко изловив своего бойца, подкинул его снова.

- Чтоб злости поднакопил, - растолковал Лукьян.

И вновь соперники сошлись в поединке. Чувствовалось, что сверчок деда Петра уже подустал, а, может, и впрямь был слабее. Взяв верх в прошлой схватке, Лукьянов самец ощутил вкус победы и, расхрабрившись, так больно укусил противника, что тот упал на спину и отчаянно заперебирал лапками, дав понять, что сдаётся окончательно.

- Перекормил ты его, братец. Увалень, а не боец, - поддел Петра Лукьян, - говорил же тебе: отруби отрубями, но и яблочка подкинуть не забывай. Для разгрузки.

Я удивилась, слышав разговор о рационе и питании. Словно передо мной не деды, а тренеры серьёзных спортсменов. Для братьев же разговор этот – обычное дело.

- Молодой он ишо, - сопротивлялся Пётр, - погоди, через месячишко войдёт в силу, задаст твоему бугаю трёпку!

Ночью победитель ликовал и выдавал такие трели, что к утру я стала находить в них сходство с соловьиными руладами.

По зорьке, распрощавшись со Сверчком, двинулась в обратный путь. Тётка Наталья теперь все глаза проглядела. Как пить, задаст за то, что осталась у Лукьяна на ночевку.

Выехала за бакшу, слышу: дед кричит мне что-то вослед. Возвращаюсь, смотрю: вынимает из овчинной рукавицы коробочку.

- Подарок от меня. Пусть у тебя дома поёт, о нас напоминает.

Поблагодарила я старика. Запихнула коробочек в варежку, а её – за пазуху, чтобы певец не застудился. И – скорее к тётке.

Выговорила она мне, конечно. Не без этого. Но, заглянув в коробочку, смягчилась, оттаяла. Сверчка я назвала, как и тёткиного, – Тришка. Очень уж понравилась кличка. Вот уже месяц, как он живёт в моём доме. Трещит-сверчит без умолку! Чтобы не замолчал, кормлю его, по совету Лукьяна, досыта. Говорят, голодные сверчки не поют. Слежу за рационом.

Пронырливый оказался Тришка. Как-то ночью включаю свет, смотрю: он у Барсиковой миски. С тех пор подкладываю ему под батарею (он её сразу облюбывал) «Вискас», пусть лакомится. А уж он в благодарность сверчит-заливается!